

ПОБЕДА! 1945–2020

Детские воспоминания о войне свердловского педиатра Светланы Петровны Ермолиной (род. 04.05.1936)

С. П. Ермолина – врач-педиатр, инспектор лечебного отдела Свердловского городского отдела здравоохранения в 1970–1992 гг., врач высшей категории, «Отличник здравоохранения», ветеран труда.

Мне было ровно пять лет, когда началась война, и семья наша из пяти человек безмятежно и счастливо жила в окрестностях города Ленинграда в городе Гатчине.

Мама, Александра Симоновна Попович, в то время, работала в НИИ сельского хозяйства старшим научным работником, имела ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук. Папа, Чубарь Петр Петрович – военный летчик, к тому времени участвовал в военных действиях на Халхин-Голе, а в 1939 году - в войне с Финляндией.

Мне очень хорошо запомнилось, как в первый же день войны мы с мамой пешком шли на аэродром в Гатчине, чтобы проводить отца на фронт. Мама нарядила меня в красивое платье, и мы в жаркий летний день шли по цветущей ароматной Гатчине. У меня не было никакого ощущения тревоги, а запахи цветов и цветущей акации наполняли душу радостью.

У нас была хорошая трехкомнатная квартира с балконом, где мама хранила шоколад, сгущенное молоко, изюм и другие сладости, которое выдавали дополнительным пайком отцу-летчику. И вдруг в конце июля 1941 года маме сказали: «Завтра уезжаем...» И мне было разрешено насладиться запасами балкона без каких-либо ограничений. Какое было блаженство!

Начался наш длинный тяжелый эвакуационный путь. Мама получила правительственное задание - эвакуировать в тыл страны 2500 голов породистого крупнорогатого скота, купленного накануне войны на золото для разведения его в СССР. Это была одна из лучших пород Швеции. Перегнать скот надо было пешком порядком через болотисто-лесную местность Ленинградской области. Для обслуживающего персонала с утварью и вещами было выделено две подводы, запряженных лошадьми, одна из подвод была наша с двухлетним братом и няней. Мама шла пешком. Из домашних вещей на подводе были только патефон с пятью пластинками, палаткой, минимум одежды.

О, эти дороги ленинградской области тех лет! Их накануне войны проложили зэки (заключенные) через болото. Это были так называемые лежневки: бревна, скрепленные друг с другом и лежащие поперек направления движения.

Вокруг были болота и непроходимая тайга. С какой скоростью мы двигались, я не знаю. Одно лишь тревожило – ежедневная артиллерийская канонада. Казалось, что линия фронта наступает нам на пятки. Как-то первая подвода остановилась и кто-то крикнул: «Немцы!» Мы все немедленно упали с телег на землю, а когда разобрались, оказалось, что это наши бойцы.

Подъезжая к Волхову, нашли брошенную девочку 6–7 месяцев, через сутки догнали мать ребенка, уговорили больше не бросать. Интересно, какая судьба у этой девочки?

Весь скот был пронумерован; на ухе каждого имелся свой номер. Это позволило матери доказать в одном из сел абсурдность утверждения председателя колхоза, что один из быков принадлежит его хозяйству. В сентябре мы продвинулись до реки Волхов. Бомбежки были ежедневные, и толпы народа пытались переправиться на другой берег реки. Один-единственный паром был средством переправы. Когда мама требовала переправить скот, показывая мандат правительства, ничего, кроме скандала, не получилось. И ей пришлось выбрать быка-лидера, заставить его плыть через реку, и все стадо последовало за ним вплавь. Отойдя несколько километров от переправы, мы узнали, что немецкие самолеты - «мессершмитты» превратили воду реки в красный поток. Все население, не успевшее перебраться паромом на другой берег, погибло. Дальше было не так страшно, но начались холода. Однажды утром мы не могли выйти из палатки, так как она была занесена снегом.

*П. П. Чубарь – отец
С. П. Ермолиной*

Наконец, в Вологде моя милая мамочка сдала всё стадо скота в целости и сохранности – 2500 голов. В Вологде маме стало известно, что летная часть отца базируется здесь. Нарядив меня, поехали на аэродром, но увы, отец уехал накануне.... Мама плакала, а я радовалась тому, что летчики мне наполнили карманы конфетами.

Дальнейший наш путь был по железной дороге: погрузившись в «теплушку», мы доехали до зауральского города Курган, куда был эвакуирован Полтавский сельскохозяйственный институт. С этим учебным заведением, оставшимся после войны в Кургане, связана дальнейшая трудовая деятельность моей мамы. Мама стала доктором сельскохозяйственных наук и автором выведенной ею породы крупного рогатого скота. Отец мой не вернулся с фронта – умер от ран в госпитале г. Сызрань.

В результате всех перипетий и переживаний я из ребенка превращалась в мыслящего, рассуждающего, не по годам взрослого человека и начала понимать, каково было моему брату, которому было два года; всю дорогу он плакал.

Фрагмент из книги К. И. Козьмина, А. И. Худкова, В. В. Тхоржевская «Охрана здоровья матери и ребенка в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны».